

Сергей САМАРОВ

ЛУЧШИЕ РОМАНЫ
ОБ ОТЯДЕ
СПЕЦИАЛЬНОГО
НАЗНАЧЕНИЯ

ВОЛКОВАВЫ

КРАСНЫЕ ВОЛКИ

Сергей Васильевич Самаров

Красные волки

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7069525
Сергей Самаров. Красные волки: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-72686-8

Аннотация

В горах Дагестана отряд спецназа ГРУ под командованием капитана Шереметева проводит операцию по уничтожению боевиков. На одном из перевалов бойцы задерживают трех подозрительных типов, которые на проверку оказываются университетскими работниками из Махачкалы. Шереметев наводит справки и узнает, что ученые занимаются восстановлением в здешних местах популяции редкого вида волков. Ученых отпускают. Вскоре после этого трех бойцов из отряда Шереметева находят мертвыми, и их, судя по всему... загрызли волки. Интуиция подсказывает капитану, что смерть спецназовцев и деятельность дагестанских зоологов связаны между собой. Он начинает расследование и очень скоро понимает, что интуиция его не подвела...

Ранее книга выходила под названием «Боевая стая».

Содержание

1	4
2	22
3	37
4	53
5	70
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Сергей Самаров

Красные волки

1

– Григорий Владимирович, дай-ка мне твой бинокль, – шепотом попросил майор Коваленко.

Командир роты, молча лежавший между двумя большими камнями и наблюдавший за тропой поверх третьего камня, размерами поскромнее, протянул начальнику штаба батальона свой мощный трофейный бинокль, оснащенный тепловизором и позволяющий вести наблюдение даже самой темной ночью.

Начальник штаба присел, прислонившись плечом к одному из больших камней, прикрывающих командира роты с флангов, поэтому капитану Шереметеву пришлось подавать бинокль через спину. Это, впрочем, особого неудобства не доставило, потому что между камнями было достаточное расстояние, чтобы там сумел развернуться даже такой широкоплечий человек, как он. Сам капитан продолжал наблюдения без бинокля, как и бойцы двух взводов его роты, что устроили на перевале засаду.

Обглоданным куском подкопченного сыра смотрела из просвета между сизо-черными облаками желтая ущербная

луна, но местность почти не освещала, разве что самые близкие подступы к перевалу. И потому без бинокля с тепловизором не обойтись, простой бинокль в таких условиях не помощник.

– Что там такое, не пойму, – проговорил майор, не сумев ничего рассмотреть, и протянул бинокль хозяину. Капитан, зная, что майор страдает некоторой возрастной дальностью, подстроил бинокль под свои глаза и стал наблюдать за тропой, на которой была устроена засада, и окрестностями вокруг нее.

– Что видишь? – поинтересовался майор.

– То ли лисы, то ли шакалы, то ли просто собаки.

– Точнее не разобрать?

– Собакам здесь взяться неоткуда. До ближайшего села два-три дня пути. Наверное, шакалы. Лисы, мне кажется, в таком количестве не собираются. Разве что совещание проводят, как им дальше жить с современной военной экологией.

– Ты охотник, что ли? – спросил майор.

– Только на людей, – тихо ответил капитан.

– Тогда откуда знаешь, в каком количестве лисы собираются?

– Не могу сказать, товарищ майор. Как-то в сознании выплыло, что лисы – животные не стайные.

– А когда лисы охотятся, днем или ночью? – приставал начальник штаба с вопросами. – Сознание не подсказывает?

– Нет, товарищ майор. Но, мне кажется, в любое время суток. Сам я на машине много раз встречал лису, которая зайца гонит. И издали, и даже вблизи видел. Прямо на дороге выскакивали. И всегда днем. А по ночам они в курятники забираются. Значит, в любое время суток «на выходе». Стоп!..

– Что? – спросил начальник штаба.

– Там – человек. Кормит животных.

– С лисами человек? Тогда это, наверное, собаки...

– Это не собаки. Породы такой нет в природе. Я же собачник, практически все породы знаю. Такой в природе не существует. Даже если это дворняжки, уж очень одна на другую экстерьером похожи. Такого явного сходства у дворняжек не бывает, только у ближайшей родни. Но для родни их слишком много, я четырнадцать штук насчитал. Вот, и пятнадцатая вышла. Пятнадцать штук. Жалко, окрас различить невозможно. А человек... Скорее всего, местный, кавказец...

– Как ты его определил через этот бинокль? – поинтересовался майор.

Тепловизор тем и отличается от обычного бинокля, что показывает не человека, а только свечение тепла его тела. Но человеческий контур все же хорошо различим.

– По манере передвижения, по манере держать плечи, и вообще как-то... интуитивно, что ли. Я даже в Москве по улице иду, вижу впереди человека и со спины кавказца опре-

деляю. Сам себя много раз, товарищ майор, проверял. Всегда без ошибки.

– Оружие у человека есть?

– Пока не вижу.

– Если с оружием, то местный бандит. Впрочем, в бандитах на Кавказе не только кавказцы ходят. На прошлой неделе двух катарцев и одного иорданца поймали. Живыми взять умудрились. Зачем живыми, непонятно. Дадут срок, они и на «зоне» неплохо устроятся – там их брата сейчас много, а когда выйдут, снова за старое возьмутся. Эти фундаменталисты неисправимы. Надеюсь, у нас сегодня пленников не будет...

Капитан ничего не ответил, продолжая наблюдение.

– Что там?

– Человек кормит этих шакалов. С рук берут. Но берут, как дикие. Приручил их, должно быть, слегка. Впрочем, шакала приручить легко, это не волк. Только, я думаю, это и не шакалы. Хвост слишком длинный и пушистый. Хотя шакалы только летом облезлые, к зиме они тоже хорошей шерстью обрастают.

– Ты шакалов здесь много раз встречал?

– Несколько раз доводилось.

– А я ни разу. Не знаю даже, как выглядят. Так кто же там, с человеком?

– Понятия не имею.

– Может, волки?

– Волки более крупные. И хвосты покороче. Все. Человек встал с камня. У него ружье, кажется, охотничье. Даже не карабин. Простое ружье, судя по силуэту. За плечами рюкзак. Двинулся в сторону тропы. Встречаем?

– Не стрелять! – предупредил начальник штаба. – Допросим, а дальше видно будет. Он может быть человеком Борзова.

– Их трое. Двое ждали этого типа на тропе за камнями, – сообщил капитан. – Оба с охотничьими ружьями и с рюкзаками, как первый.

– Работаем. Блокируем всех троих! Нормальные люди по ночам в горах не гуляют...

Два взвода спецназа ГРУ устроили засаду на перевале, куда спецназ внутренних войск, выступая в роли загонщиков, гнал банду эмира Борзова. Сам эмир – человек загадочный и малоизвестный правоохранительным органам. Был составлен только перечень преступлений банды, но данных на самого эмира ни в МВД Дагестана, ни в республиканском управлении ФСБ не имелось. Более того, фамилия Борзов никак не вписывалась в обычные для Дагестана фамилии, и была, скорее, славянской, чем дагестанской. По данным МВД, в республике проживало два человека с такой фамилией – не родственники друг другу, не знакомые, но оба слыхом не слыхивали ни о каком эмире Борзове и утверждали, что родственников в республике не имеют. Поэтому возникло предположение, что эмир или пользуется псевдонимом,

или имеет смешанные крови, потому что чистого славянина-эмира горцы терпеть над собой не будут, даже если тот и фанатично верующий мусульманин...

Командир роты решил сам командовать захватом неизвестных путников.

Для этих действий он выбрал только одно отделение из всех своих наличных сил. Шестерых солдат, по тройкам, отправил по разные стороны тропы с приказом хорошо замаскироваться на двадцать шагов ниже и пропустить путников, сам же с четырьмя бойцами засел среди камней, готовый к привычным активным действиям.

Бинокль помогал капитану ориентироваться и точно знать, где находится пресловутая троица. Тепловизор держал людей под контролем даже тогда, когда заросли кустов скрывали их. В нескольких местах путников скрывали и большие, почти в рост человека, а порой и выше, камни. Однако тепловизор обнаруживал свечение человеческих тел и над камнями. По крайней мере, позволял убедиться, что люди не свернули куда-то в сторону, придерживаются протоптанной овечьими отарами тропы и неминуемо выйдут на засаду. Расстояние сокращалось быстро. И только тогда, когда три человека появились в зоне прямой видимости и направились прямо в сторону засады, капитан заметил, что один из троих сильно хромает и опирается при ходьбе на сучковатую палку, срезанную так, что она заменяла ему костыль. Травмироваться

в горах можно всегда, можно и ногу подвернуть, и упасть, и прыгнуть неудачно с высоты, и еще попасть в кучу неприятных положений. Но люди военные привыкли любую повязку или травму рассматривать как ранение, и хромота одного из путников уже насторожила капитана, вызывая подозрение, что это бандиты спасаются от преследования «краповых» и один из них ранен. Смущало только вооружение – двустволки. Но это было только предположение, потому что тепловизор не давал возможности точно рассмотреть вид оружия.

Путники приближались. Когда до них оставалось пять шагов, Григорий Владимирович поднялся в полный рост и вышел из-за камней.

Он стоял, привычно широко расставив ноги, готовый в таком положении к любому действию, которое потребуется произвести, от прыжка в сторону, за камни, до вскидывания автомата, который привычно начинает стрелять в нужный момент, когда ствол будет наведен на цель. Причем капитан умел совмещать одно с другим, одновременно и отпрыгивать от чужого выстрела, и сам стрелять в ответ.

Путники остановились.

– Стоять! Без резких движений! – последовала чуть запоздалая команда.

– Похоже, здешние малолюдные места в последнее время становятся популярными, – сказал тот, что шел первым.

Сказал вполне грамотно и почти без акцента. Чувствовалось, что это не чабан из ближайшего села, и даже не трак-

торист с фермы.

– Здравствуйте, – в ответ поприветствовал его капитан. – Я – капитан Шереметев из отдельного отряда спецназа ГРУ. Проверка документов. Подойдите ближе. И еще... Настоятельная просьба... Не суетитесь и не делайте резких движений. Особенно аккуратно общайтесь с оружием. Вы все находитесь не просто в окружении моих солдат, но и каждый под прицелом нескольких стволов. Любая враждебность наказуема. Подойдите, подойдите...

Первый путник пожал плечами, обернулся к своим товарищам, потом без тени смущения двинулся к капитану.

– Давно в здешних местах введено военное положение? – поинтересовался он.

– Военного положения здесь нет, – сказал, поднимаясь из-за своего камня, майор Коваленко. – Но в районе объявлен режим контртеррористической операции. Это все местные жители должны знать. Вы – местные? Тогда непонятно, почему вы не в курсе.

– Мы – из Махачкалы, – объяснил путник и поправил ремень своего ружья, висящего на плече стволом вниз, словно проверил реакцию солдат, наставивших, по словам капитана, на него оружие. – И поскольку мы не местные жители, нас никто не предупредил о введении какого-то режима.

– Что вы здесь делаете, гости из Махачкалы? – поинтересовался капитан Шереметев.

– Научная экспедиция, – просто объяснил путник. – Я –

профессор дагестанского госуниверситета. Зовут меня Исмаил Эльбрусович Идрисов. Со мной мои рабочие, участники экспедиции.

– Что интересует здесь научную общественность? – с легкой насмешкой в голосе спросил майор. – Ищите йетти¹?

– Нет, наши интересы скромнее. – Профессор говорил вдумчиво, неторопливо, и ничуть не смущаясь неприветливостью военных. – Хотя, может быть, не менее сенсационны. По крайней мере, мне так кажется. Мы ищем то, что люди практически извели в нашем регионе. Вернее, даже не ищем, а работаем с этим материалом. Раньше весь без исключения Кавказ входил в среду обитания красного волка, животного, занесенного в Красную книгу. Сейчас красный волк в здешних местах – великая редкость. Четыре года назад, вернее, уже почти пять лет назад, четыре года и девять месяцев, если быть совсем точным, мы с сотрудниками моей лаборатории завезли сюда красных волков с Алтая, где они еще водятся в живой природе. Завезли небольшую стаю – четверых самцов и двух самок. И к стае в течение уже первого года присоединилось четыре местных волка, которых здесь никто раньше, слава Аллаху, не видел, иначе их могли бы просто уничтожить. Наша смешанная стая прижилась в горах и дает устойчивое потомство, приспособленное к местным условиям. Более того, в этом районе, только западнее, почти на

¹ Йетти – кавказское название снежного человека. По многим показаниям свидетелей, йетти обитает в высокогорных районах Кавказа.

границе с Чечней, образовалась уже вторая стая. Мы подозреваем, что наша большая стая просто разделилась на две, и часть ушла в сторону, чтобы всем хватило пропитания.

– А местные условия менее удобны для волков, чем условия Алтая? – спросил капитан Шереметев, не потому, что волками интересовался, а только для того, чтобы продолжить разговор. – Почему на Алтае они остались, а здесь почти исчезли?

– Горы – везде горы. Но Кавказ выше – следовательно, в воздухе пониженное содержание кислорода. Это волки должны чувствовать, потому что жизнь проводят на бегу, и им постоянно требуется кислородная подпитка. Но у здешних гор есть и свои преимущества. Здесь нет такого толстого снежного покрова, как на Алтае, а красные волки не любят глубокий снег.

– Так там, ниже, – кивнул майор Коваленко, – стая красных волков?

– Вы видели? – спросил Идрисов. – Да, там наша стая. И будет очень прискорбно, если вы навредите им. Наш эксперимент имеет мировой масштаб и контролируется биологической комиссией ЮНЕСКО. И потому я прошу вас не проявлять по отношению к нашим животным агрессивности. Охота на красных волков запрещена во всем мире, кроме Индии, но и там она лицензирована и сильно ограничена. Буду вам благодарен, если вы предупредите своих солдат.

– Можно не предупреждать. Мы сюда не на охоту приле-

тели, – ответил Коваленко. – По крайней мере, не для охоты на волков, смею вас заверить. Документы у вас с собой, надеюсь?

– Моя попытка забраться в карман не будет воспринята как акт агрессии? – с легкой издевкой в голосе спросил профессор Идрисов.

– Забирайтесь. Только в свой. Я разрешаю, – проявил милость капитан Шереметев.

Профессор улыбнулся и полез во внутренний карман. Шереметев увидел, как чуть в стороне над камнем поднялся автоматный ствол, страхуя командира. Но из кармана был извлечен только пластиковый пакет, в несколько раз свернутый. Идрисов развернул пакет и вытащил сначала паспорт, который Шереметев посмотрел мельком, проверив имя, фамилию и регистрацию, потом удостоверение сотрудника университета, командировочное удостоверение и выписку из решения ученого совета университета об экспедиционных работах по изучению ареала обитания красного волка.

– Ваши сотрудники... – напомнил капитан, выключив фонарик.

Профессор обернулся и сделал знак двум своим спутникам.

– Что с ногой? – спросил Шереметев человека с самодельным костылем.

– Подвернул, – с сильным акцентом ответил тот. – Может,

сломал, не знаю. Болит. Еле иду.

– Почему ночью идете? – Вопрос майора Коваленко относился уже к профессору.

– Как раз из-за травмы рабочего и задержались. Нас на шоссе машина должна ждать. Чтобы успеть, сокращаем время отдыха. Передвигаемся практически в авральном режиме.

– Врача у нас нет, – посочувствовал капитан, – а санструктор в таком деле помочь не может. Сильно болит?

– Сильно, – пожаловался хромой. – Зубы стираю, когда стискиваю.

Шереметев снял с пояса свою индивидуальную «аптечку», вытащил два имеющихся в наличии шприц-тюбика пармедола и протянул ему:

– Только не сразу оба. Это обезболивающее, пармедол. Умеете пользоваться?

– Спасибо, – поблагодарил рабочий. Ему, видимо, трудно было не только ходить, но и говорить, потому что при разговоре лицо его искажалось в гримасе боли. Видимо, нога в самом деле была сломана.

– Спасибо, – ответил за него профессор. – Сумеем. Так мы можем успеть дойти до шоссе вовремя.

– Для вас – двое суток пути, – предупредил Григорий Владимирович.

– А для вас? – зачем-то спросил профессор. Может, хотел приравнять свой переход к армейскому?

– По норме – десять часов, – сухо произнес капитан, – мы успеваем практически за восемь.

В это время, разрывая ночное спокойствие, на правом фланге засады, метрах в полста от тропы, раздалось несколько автоматных очередей. Все повернули головы в ту сторону, и начальник штаба сказал:

– Разбирайся тут, я посмотрю, что там у Медведя... – И почти побежал поперек перевала, на ходу готовя автомат.

Шереметев слушал беспорядочную стрельбу, но сразу определил, что стреляют только с позиций спецназа, а ответных очередей выделить не сумел. Путники, остановленные на перевале, явно забеспокоились.

– Надеюсь, не по нашим волкам стреляют? – с задумчивым видом заметил профессор.

– Сомневаюсь, что ваши волки туда ушли, – ответил капитан. – Кроме того, мои солдаты не будут стрелять просто так, ради удовольствия. Значит, есть в кого стрелять. Если там и появились волки, то только двуногие. Больше ничего сказать не могу. Просто не знаю. Вы, кстати, никого поблизости не встречали?

Задавая вопрос, он одновременно переписывал с паспортов данные на рабочих экспедиции в свою записную книжку. Даже имея профессиональную память военного разведчика, Григорий Владимирович не был уверен, что точно запомнит труднопроизносимые для него имена, отчества и фамилии людей другой национальности, и потому предпочел не бра-

вировать памятью, а воспользоваться записной книжкой.

– Здесь места не сильно обитаемые, – сказал профессор. – Весной чабаны отары на пастбища гонят, а в начале осени гонят назад. Больше здесь никого не бывает.

– Вам повезло. В здешних горах укрывается крупная банда. Хорошо, что вы с ними не встретились. Ладно. Я попрошу вас не задерживаться. Продолжайте путь, и поторопитесь, несмотря на сложности. Возможно, здесь скоро будет бой. Шальные пули начнут летать.

– К бою! К бою! К бою! – передавали голоса по цепи с правого фланга.

– Слышали? – поторопил Шереметев. – Покиньте перевал как можно быстрее. Я не могу за вас отвечать, мне своих забот хватает.

– Удачи вам, – кивнул профессор Идрисов, сделал знак своим спутникам, поправил на плече ремень ружья и первым двинулся по тропе...

Капитан Шереметев провожал путников взглядом и вдруг поймал себя на мысли, что ему отчего-то хочется дать в эти спины несколько автоматных очередей. Хотя бы по очереди на каждую спину. Больно кольнуло осознание того, что с каждой командировкой на Северный Кавказ стрелять в людей ему хочется чаще. Это в принципе ненормально, наверное, начали сдавать нервы. Офицер спецназа – не абрек и не имеет права стрелять без крайней на то необходимости.

Следовало срочно брать себя в руки и сжать нервы в кулак, пока они совсем не разошлись.

Фигуры работников экспедиции под светом луны торопливо удалялись. Но долго наблюдать за уходящими тоже надоело, тем более что темнота уже начала скрывать их очертания.

Наконец в ответ на стрельбу спецназа слышались и ответные активные автоматные очереди. Значит, начинается бой. Бандиты подошли и, как планировалось, нарвались на засаду. Но путь для них открыт только в одну сторону, надо было или погибнуть, или прорваться. Они, естественно, стремились ко второму. Спецназ же не хотел дать им такую возможность.

– К бою! – повторил капитан общую команду, уже прошедшую по цепи, хотел уже сам привычное место среди камней занять, как вспомнил вдруг о солдатах, отправленных в засаду на тропу, и вышел на открытое место, чтобы сделать им знак.

В ответ на поднятую руку командира роты и на многократное сжимание и разжимание кулака, что означало команду «Ко мне!», трое бойцов вышли слева от тропы и быстро двинулись в сторону Шереметева. Но с другой стороны, где тоже должны были прятаться трое солдат, никто выйти не поторопился. Капитан повторил свой знак, хорошо знакомый всей роте, но за камнями стояла тишина. Кричать и звать нельзя, чтобы не обнаружилось место расположения

основной засады.

С левой засады подошли трое бойцов.

– Остальные где? – спросил Шереметев, чувствуя, как что-то засосало под сердцем, словно непонятная тоска вдруг подступила.

– Мы не слышали их. У них своя позиция, – объяснил младший сержант.

– На позицию, – сделал капитан указующий знак рукой, а сам заспешил вниз по тропе.

Двадцать шагов – расстояние небольшое, и капитан преодолел его за несколько секунд. Первого солдата нашел почти сразу. Тот лежал на спине, раскинув руки, и смотрел на луну пустыми замершими зрачками открытых глаз. В этих зрачках отражалась и светилась луна, но она тоже имела матовый оттенок смертной пелены. У солдата было зверски разорвано горло, и непонятно, каким именно орудием совершено убийство. Горло было не перерезано, а именно разорвано, и по жухлой траве, пробивающейся между камнями, и по самим камням растеклась черным пятном лужа крови.

Второй солдат нашелся в четырех шагах ниже, третий – ниже еще на три шага, и он единственный из троих лежал лицом вниз. Все три солдата погибли одинаковой смертью. Странно было даже предположить, что никто из них не услышал момента нападения и не поднял тревогу. Вариант одновременного нападения рассматривать было трудно, потому что рана была слишком характерная и наносилась, видимо,

одной и той же рукой. Вообще, в этой ситуации со страшными ранами что-то жуткое и мистически непонятное. Но капитан Шереметев не из тех людей, кто боится непонятного. Он был уверен, что всегда все можно объяснить, если иметь факты. Хотя бороться с непонятным и трудно, но только до тех пор, пока оно не станет понятным.

Первой мыслью командира роты было броситься вдогонку за профессором и его людьми, потому что подозрение в первую очередь падало на них. Вспомнилось и интуитивное желание послать в спины членам группы автоматные очереди, но тут же вспомнилось и то, как Григорий Владимирович сам наблюдал в бинокль за профессором и хорошо при этом видел, как вся троица прошла мимо засады, ничего не заметив и ни на кого не нападая. Значит, и винить профессора вроде бы не в чем. А бандиты были уже рядом. На правом фланге шла активная перестрелка, осложненная тем, что луна полностью закатилась за облака. Но бандитов, даже если они всеми силами пошли в атаку, все равно было значительно меньше, чем спецназовцев, так что навряд ли произойдет лобовая атака. Так, постреляют, убедятся, что перевал закрыт, и вынужденно уйдут вниз – если смогут уйти. А там их уже, наверное, ждет подошедший спецназ внутренних войск.

Что касается погибших в засаде солдат, то объяснить их невнимательность к действиям со стороны тоже можно, поскольку они «охраняли» своего командира роты, все внимание их было направлено на профессора со спутниками, по-

этому и не заметили, как кто-то подкрался к ним. Вину за их гибель капитан Шереметев готов был взять на себя даже официально, а неофициально уже взял. Но случившееся во-все не выбило его из равновесия и не сломало боевого духа. Он сразу отреагировал на какое-то движение неподалеку, поднял глаза и увидел троих бандитов, медленно, словно сонные мухи, передвигающихся в темноте от камня к камню. Бандиты шли к перевалу. Наверное, их было больше, но капитан увидел только троих.

Свой автомат Шереметев поднимал так же медленно, как передвигались бандиты. Он хорошо знал, что периферийное зрение реагирует только на быстрое движение в стороне, медленное же остается за диапазоном визуального контроля. Но как только автомат оказался на нужном уровне и приклад прижался к плечу, капитан уже не медлил. Пуль было выпущено девять штук – по три в каждой из трех очередей, и через короткий промежуток времени еще три пули догнали четвертого бандита, который не выдержал напряжения после гибели товарищей и побегал вниз. Автоматная очередь свалила его и заставила катиться по склону прямо по камням, которые местами было ломаные и очень острые. Впрочем, бесчувственному телу от таких камней больно быть уже не могло...

Две группы общей численностью в девять человек были уничтожены при попытке прорыва через перевал. Агентурные данные, впрочем, сообщали о банде в девятнадцать человек. Спецназ внутренних войск ряды бандитов проредил, погнав к перевалу двенадцать бандитов и уничтожив семейных. Прочесывание леса на склонах, в долинах и в ближайших горах в поисках оставшихся троих взял на себя отряд «краповых» беретов, пришедший по следам банды. У «краповых» тоже были потери, но не сравнимые с потерями спецназа ГРУ – только двое легкораненых, которые даже строй не покинули и после перевязки продолжали участие в операции.

Начальник штаба батальона майор Коваленко вызвал за «грузом 200» вертолет. Причем к «грузу 200» в данном случае относились и бандиты, и военные разведчики. Гонять за ними вертолет по отдельности никто не позволит, как ни обидно бывает укладывать рядом тех и других. Когда совсем рассвело, ожидая прилета вертолета, вокруг погибших солдат собрались оба взвода вместе с командирами. Здесь же стояли два майора «краповых» и радист их отряда. Майоры руководили прочесыванием ближайших территорий по рации. Присутствие командиров отряда спецназа внутренних войск на перевале показалось капитану Шереметеву стран-

ным, сам он обязательно лично бы участвовал в поисковых мероприятиях, но в разных родах войск разные методы ведения боевых действий, и вообще было не время интересоваться чем-то посторонним. Хотя такой интерес естественен. Подсознание, пытаясь уберечь человека от стресса после гибели сразу троих солдат, не дает мозгу сосредоточиться, отвлекает его на посторонние размышления, мешает насущные мысли логически выстроить и исчезает только через несколько часов, когда все ощущения слегка притупятся. Только тогда оно позволит человеку ясно соображать и осознавать происшедшее.

Капитан пытался соображать быстро, но это плохо получалось. Самое большое недоумение вызывали рваные раны на горле солдат. Даже если смерть сразу после раны не наступает, то наступит через десяток секунд от потери крови. С такими ранами долго не живут. Через сонную артерию идет приток крови к мозгу, и через горло способна вытечь из человека практически вся кровь. Кроме того, с разорванным горлом не крикнешь, не подашь сигнал тревоги. Это объясняло, почему никто не сумел предупредить других об опасности. Вообще-то, майор Коваленко рассказал, что знает в спецназе ГРУ нескольких офицеров, умеющих ударом двух пальцев пробивать горло и сонную артерию. Теоретически этот удар знал почти каждый офицер, но исполнять его умели только единицы, да и то не в каждой бригаде находились такие спецы. Но там горло пробивалось только до сонной

артерии, а вторая сторона горла оставалась целой. Здесь же впечатление было такое, что каким-то предметом с острыми зубами хватали за горло, зажимали и рвали его на себя. По крайней мере, так подумал майор Коваленко, когда бинтом стер кровь с горла одного солдата, чтобы лучше рассмотреть характер ранения.

– Не понимаю, – сделал он вывод, – я с таким не встречался.

Старший из «краповых» майоров склонился над телом:

– Помню, в первую чеченскую войну мы бандита поймали. У него одна рука ампутирована, а вместо нее протез был, с когтями, как лезвия. Запросто горло человеку рвал.

– Ты предполагаешь, что в банде Борзова три таких инвалида? – криво усмехнулся Коваленко. – И напали они одновременно, и удары наносили синхронно, как роботы? Что-то я сомневаюсь. Скорее, кто-то один, очень умелый, поочередно нападал на каждого.

– Что это? Что за звуки? – спросил вдруг старший из «краповых» майоров, поворачиваясь в сторону перевала, где спецназ ГРУ, уже освободив его, снял засаду.

На странные звуки обернулись все собравшиеся, и даже автоматы повернули стволами туда же. Впрочем, звуки были не статичными, а стремительно уходили дальше, под склон хребта. Но уши отчетливо улавливали непонятное шелестящее посвистывание.

Капитан Шереметев дал знак стоящему рядом солдату,

тот согнулся, подставляя спину, и он резко вскочил на нее, потом перепрыгнул на высокий камень-валун и поднял бинокль с тепловизором, позволяющий смотреть даже через кусты. Но свист уже прекратился.

– Не успел, Григорий Владимирович? – спросил майор Коваленко, когда Шереметев прыгнул с валуна.

– Увидел только бегущую пару волков. В последний момент, перед тем как скрыться за пригорком, они мне хвостами махнули.

– Волки не свистят, а воют, – со знанием дела и с открытым неодобрением заметил второй «краповый» майор.

– Серые... А какие звуки издают красные, мы не знаем, – возразил Коваленко и снова склонился над убитым солдатом, которому протирал рану. – А что, может быть, и волки...

– Экспертиза покажет... – в сомнении покачал головой Шереметев.

День после бессонной ночи ушел у капитана на написание писем родителям погибших солдат-контрактников. Григорию Владимировичу было в два раза легче провести многоходовую боевую операцию с применением различных видов вооружения, чем написать эти три письма. Причем ему самому неприятна была мысль о написании всех писем с одним и тем же стандартным текстом, с сухими армейскими формулировками, типа «погиб при исполнении служебного

долга». И капитан Шереметев стремился найти хоть какие-то человеческие слова, в каждом письме разные, которые могли бы утешить родителей, хотя понимал, что словами их утешить невозможно. Никакие слова не заменят потерянного сына.

Уже было готово два с половиной письма, когда в канцелярию роты без стука вошел майор Коваленко и тяжело плюхнулся своим далеко не мощным телом на стул.

– У-уф-ф-ф... – громко перевел он дыхание, словно только что совершил многокилометровую пробежку.

– Устали, товарищ майор? – посочувствовал Шереметев. – Вам бы выспаться не мешало. Шли бы в общежитие...

Штабные офицеры в командировке располагались в офицерском общежитии, тогда как линейные младшие офицеры, командиры взводов и рот, как правило, квартировались прямо в казарме, чтобы в случае тревоги быстро построить своих солдат. Правда, в последнее время такие случаи тревоги стали редкими, тем не менее традиция сохранилась, хотя солдатам постоянное присутствие командиров не всегда было по душе. Но и солдаты бывают разные, и обстоятельства разные. И к обстоятельствам надо уметь приспосабливаться. Это главная заповедь военнослужащего спецназа ГРУ независимо от звания – умение мимикрировать и в любой обстановке чувствовать себя, как в родной.

– Отсыпаться дома будем, когда в отпуск после командировки пойдем. А сейчас разве уснешь? Глаза вроде бы са-

ми закрываются, а как закроются, перед ними та же картина. Эти твои парни... Больно, словно у тебя самого горло разорвано, и комок там стоит, дышать мешает. Новости слышал?

– Мне не до новостей. Я весь день, товарищ майор, из канцелярии не высываюсь. Письма родителям погибших никак не пишутся. Слова подобрать не могу. Нет, наверное, таких слов, чтобы утешить. Не придумал никто...

– Нет таких слов, – согласился Коваленко. – А новости интересные. Сейчас командир придет с заключением судмедэкспертизы. Мне пока сказал только одно – эксперты безоговорочно утверждают, что солдаты погибли от укусов собак.

– Может, волков? – переспросил капитан Шереметев.

– В том-то и дело. Я командира переспрашивал, он переспрашивал экспертов. Те утверждают, что у волка челюсть иначе устроена, зубы под другим углом расположены, и разрыв имеет другой характер. Это явно укусы собак. Хотя для собаки более характерно схватить за горло, если удастся добраться, и душить, а волки именно рвут, редко вцепляясь в жертву, разве что когда свалить пытаются. Эксперты даже для уточнения пригласили человека со стороны, охотоведа со стажем, который волков как свои пять пальцев знает. Он их выводы подтвердил. Впрочем, командир сам вот-вот подъедет и расскажет все. Я сказал ему, что у тебя в роте буду, так он обещал сразу сюда.

– Я еще дома что-то слышал об одичавших собаках, – задумчиво произнес Шереметев. – Читал где-то. Но они, пом-

нится, обитают рядом с населенными пунктами или внутри. Иногда даже волков в свои стаи принимают. Очень опасные за счет умения с людьми общаться. Нападают исподтишка, всем скопом и могут жестоко порвать самого сильного человека. Но если наш случай рассматривать... Так далеко от ближайшего села им делать нечего. И, кроме горла, других укусов нет. Я вообще склонен предположить, что там была какая-то человеческая хитрость, маскировка под нападение животного. Такие вещи, помнится, уже случались здесь же, на Кавказе. Кроме того, можно было бы предположить, что это красные волки, но, опять же, говорить что-то конкретно невозможно. Мы ничего не знаем о красных волках. Вообще ничего. Я позвонил уже паре знакомых офицеров из местного ФСБ. Мне сказали, что когда-то, несколько веков назад, их было множество. Но потом простые серые волки, как более сильные хищники, выселили красных с самых лучших участков охоты, и те начали понемногу вымирать. Да и человек выбил слишком много дичи, чтобы волкам можно было кормиться, в результате любой волк сейчас стал редкостью. И красный, и серый. Это вся моя информация. Стоило бы, наверное, поинтересоваться у нашего знакомого профессора Исмаила Эльбрусовича Идрисова, но я, к сожалению, не знаю его координатов.

– Ты, помнится, данные на него и на его рабочих записывал, – напомнил начальник штаба. – Поделись, а я прямо сейчас официальный запрос отправлю. Потом, у меня есть

в кабинете телефон одного человека из университета в Махачкале. Тоже преподаватель. Может, он телефон профессора найдет. Попробую, в любом случае надо собирать информацию.

Капитан молча вытащил записную книжку, нашел страницу с последними записями и переписал на чистый лист бумаги данные на рабочих экспедиции. Сведения о профессоре Шереметев держал в памяти и записал уже без записной книжки. Майор Коваленко сложил лист вчетверо и ушел с ним так же быстро, как появился.

– Через пять минут вернусь, – пообещал на ходу уже с порога. – Если командир приедет, пусть меня подождет.

Командир отдельного отряда спецназа ГРУ подполковник Веремеев не спешил вернуться в распоряжение, и Шереметев снова придвинул к себе незаконченное письмо. Вообще-то, капитан плотно дружил с компьютером, даже говорил как-то, что ему проще печатать, чем писать какие-то документы от руки. Но сейчас печатать он не желал. Печатный текст всегда обезличен и холоден в сравнении с рукописным текстом, а письма хотелось написать теплые, человеческие.

Шереметев успел написать всего десяток строчек, как вернулся майор Коваленко:

– Не было командира? Ну и ладно. Могу еще новостями поделиться, если не возражаешь.

– Не возражаю, товарищ майор. – Капитан со вздохом

убрал недописанное письмо в верхний ящик рабочего стола, к двум уже написанным письмам, и сложил руки на столе, на манер прилежного первоклассника.

– Я послал в ФСБ в Махачкалу официальный запрос по спутникам Идрисова. Как только будет ответ, кодировщик доложит мне текст. Сюда принесет. И еще я дозвонился до своего знакомого преподавателя. Он мне, можно сказать, жизнью и свободой обязан еще с прошлой командировки и потому расстарался, нашел мне и домашний, и сотовый телефоны профессора Идрисова. И хотя он не с биологического факультета, но кое-что о нашем профессоре знает и, как сам сказал, хорошую характеристику ему дать не рискнул бы. Самое главное, что Идрисов не дагестанец по национальности, а чеченец. А чеченцы с дагестанцами время от времени спорят по поводу главенства на Северном Кавказе. Это против россиян они порой готовы объединиться, но друг к другу тоже относятся не лучшим образом. Может быть, характеристика профессора Идрисова вызвана как раз этими соображениями, пока не берусь судить. Но отдельные факты из биографии нашего профессора тоже привлекают внимание. Когда в Чечне к власти пришел Дудаев, Исмаил Эльбрусovich уехал в Грозный. Каким-то образом ему удалось войти даже в ближайшее окружение чеченского президента, впрочем, не надолго. Потом, по слухам... Чтобы быть объективным, мой информатор так и сказал – «по слухам»... Значит, по слухам, Идрисов работал вместе с Шамилем Басаевым и

Хаттабом. Что делал у них, откровенных бандитов и террористов, кандидат биологических наук, он тогда еще не был доктором и профессором, остается загадкой. Но оба, опять же по слухам, весьма ценили его. Для нас этот факт может оказаться очень важным и заставляет присмотреться к фигуре Идрисова внимательнее. Ты уже знаешь, наверное, что три человека из банды эмира Борзова так и не были обнаружены «краповыми», а мы пропустили через перевал как раз троих, так что положение весьма сложное. Что касается профессора – это весьма темная личность. Знаешь, по какой теме он защищал докторскую диссертацию?

– По какой? – спросил Шереметев. – Красные волки?

– Гораздо интереснее. Влияние гипнозом на животных. Телепатические методы общения между человеком и животным. И защищался не в Махачкале, а в Лондоне. У него, кстати, есть «вид на жительство» в Великобритании и квартира не где-нибудь, а на улице Пикадилли², что говорит о состоятельности профессора. А при современных зарплатах преподавателей вузов это нонсенс. Но не вопрос его состоятельности нас должен волновать, а тема диссертации. Очень интересная тема.

– Да, помнится, я дома случайно попал в Интернете на материал о гипнозе животных, – согласился капитан, понимая, к чему ведет разговор начальник штаба батальона. – Владе-

² Улица Пикадилли – одна из главных улиц Лондона, тянется от площади Пикадилли до Гайд-Парка.

ние таким гипнозом дает большие результаты. Хотя лично у меня правдивость материала вызвала тогда сомнение. В Интернете многое могут понаписать. Всему верить – дураком станешь. Так вы, товарищ майор, думаете, что Идрисов с помощью гипноза натравил красных волков на нашу засаду?

– Я могу считать только тогда, Григорий Владимирович, когда у меня на руках будут конкретные факты. Пока же я ничего считать не могу, я могу только предполагать. А предполагать можно даже самое невозможное, потому что случилось именно почти невозможное. Солдаты погибли при странных обстоятельствах. Но даже если профессор действительно сделал это, как такое докажешь в суде? Нас на смех поднимут с таким обвинением.

Кому предназначалась последняя фраза, капитан Шереметев не понял. Он сам, как и майор, хорошо знал, что половину ситуаций, возникающих в военной обстановке, невозможно доказать в суде, поэтому такие дела обычно не доходят ни до следствия, ни до суда.

– Но самим-то нам следует разобраться. Чтобы предотвратить в дальнейшем... – заметил он.

– Следует, согласен, – прервал его майор. – Я пока не звонил профессору. Ты с ним больше общался, да и представлялся ему, тебе и флаг в руки. Только осторожно разговаривай. Не спугни...

Коваленко передвинул по столу ближе к капитану старомодный черный телефонный аппарат, какие только в армей-

ских канцеляриях, наверное, еще и можно встретить. И капитан уже руку на трубку положил, мысленно прикидывая возможный разговор с профессором Идрисовым, как за дверью послышались «шаги командора» – так офицеры в отряде называли походку подполковника. Веремеев был силен и тяжел, и походку имел соответствующую. Но при этом в боевой обстановке умел ходить совершенно беззвучно, что часто демонстрировал своим подчиненным как приобретенный навык, которому следует обучать солдат.

– Рассказывайте, как дошли до жизни такой... – начал он. Эта его фраза обычно заменяла уставное требование доклада, и все об этом знали. Вне командировки подполковник занимал должность заместителя командира бригады спецназа ГРУ по боевой подготовке, и потому даже в отряде боевая подготовка была его коньком и больной мозолью. – Как ты, капитан, своих солдат готовил, спрашивается, если они к себе собак подпустили на такое расстояние, что те смогли напасть и уничтожить! Не могу я этого понять. Они что, спали в засаде, твои солдаты?

– Никак нет, товарищ подполковник. За то время, что они вышли к месту гибели, уснуть было невозможно. Солдаты от нас отделились только на двадцать шагов, как я и приказывал. Едва успели замаскироваться, как на тропе появились профессор Идрисов и его люди, майор Коваленко свидетель.

– Почему сам не пошел в засаду? Почему солдат послал?

– Потому что я, товарищ подполковник, встречал Идрисо-

ва на тропе и проверял документы у него и у его людей. — Капитан отвечал твердо, показывая, что не желает быть «мальчишкой для битья».

— Все так и было, — подтвердил Коваленко.

Но подполковник в его сторону даже не посмотрел, только спросил, правда, непонятно, кого:

— Кто-нибудь видел там, в районе проведения операции, собак?

— Никак нет, товарищ подполковник. Мы с майором Коваленко только наблюдали стаю красных волков, как я уже докладывал. Стая искусственно создана экспедицией дагестанского Государственного университета с целью восстановления поголовья красных волков на Северном Кавказе. Собаки не посмели бы появиться в местах обитания волчьей стаи. Разве что местные пастушьи кавказские овчарки и алабаи. Но отары прогнали через перевал больше месяца назад. Больше там нет ни отар, ни пастухов, ни собак.

— А судебно-медицинская экспертиза утверждает, что на телах отчетливо просматриваются следы от челюстей собак, а не волков. У собаки и волка разное строение челюсти. Может, расположение зубов разное, не знаю, экспертам виднее. Но не это главное. Главное, что ты, Григорий Владимирович, сам не проверил место засады и послал туда солдат. Обязан был проверить, куда их выставляешь.

— Я свои обязанности, товарищ подполковник, знаю, — все так же твердо защищался Шереметев. — И выполняю их тща-

тельно. Возможности осмотреть место засады у меня не было. Времени не хватало. Да и никогда это не делается, никакими уставами или инструкциями такое не предусмотрено.

— Однако должна быть у командира роты интуиция ответственности, — уже мягче произнес подполковник, потому что сам хорошо знал, насколько нелепы его обвинения. — Но меня уже из Москвы спрашивали, как я тебя собираюсь наказать. Что я должен ответить?

— А когда пуля летит в солдата, командир роты тоже отвечает? Даже если он все делал правильно, случается, что пуля попадает! Мы ведем боевые действия, и здесь может возникнуть любая ситуация, товарищ подполковник.

— И возникла. — Веремеев перевел дыхание и стал говорить тише, без напора: — Письма родителям написал?

— Одно дописать осталось.

— Дописывай. А я на время разбирательства с обстоятельствами гибели солдат отстраняю тебя от командования ротой.

Последние слова вообще были сказаны едва слышно. И капитан Шереметев, и майор Коваленко, и сам подполковник Веремеев прекрасно понимали, что такое жесткое решение является следствием давления командования, а давление возникло потому, что обстоятельства гибели солдат такие неопределенные. Высокое командование, находясь далеко, в подобных ситуациях всегда предполагает халатность командира, покрываемую его командирами. Все просто, здесь да-

же обижаться не на кого. Не сам же командир отдельного отряда должен отстранить себя от командования? Хотя выговор может получить и он. Устный выговор уже, наверное, получил. И жесткость по отношению к непосредственному командиру в этом случае покрывает в какой-то степени командира отряда.

– Я понял, товарищ подполковник, – не моргнув глазом, согласился капитан Шереметев, словно его похвалили, а не от командования отстранили. – Кому прикажете передать роту?

– Пока начальнику штаба. Он найдет тебе временную замену. А у тебя, Гриша, времени много свободного появится, хотя подозреваю, что часто тебя будут таскать на допросы в прокуратуру, поскольку этим делом военная прокуратура округа занялась. Тем не менее рекомендую самостоятельно попытаться разобраться с обстоятельствами гибели солдат. Это может тебя спасти и вернуть на прежнюю должность без осложнений по службе. Настоятельно рекомендую.

– Я понял, товарищ подполковник, – все той же фразой ответил Григорий Владимирович. – Что прикажете написать родителям относительно времени отправки тел?

– Это военная прокуратура решит. Я ими командовал живыми, а телами прокуратура командует. Юрий Витальевич, пойдем ко мне в кабинет. С Григорием Владимировичем вы делами завтра займетесь. Ему все осмыслить нужно. Может, что и придумает убедительное...

Капитан Григорий Владимирович Шереметев так был воспитан отцом, полковником в отставке Владимиром Григорьевичем Шереметевым, офицером в третьем поколении, что не допускал мысли о чьей-то вине в своих непонятно откуда взявшихся неурядицах. Если что-то у него шло не так, как хотелось, он никогда не винил посторонних или внешние силы с изменчивыми обстоятельствами, только одного себя. И сейчас Григорий Владимирович был далек от мысли обижаться на подполковника Веремеева. Не подполковник же, в самом-то деле, посылал солдат в засаду, а он, капитан, командир роты, значит, ему и отвечать. И он готов был отвечать, хотя не знал, наверное, что ответить на самые простые вопросы о случившемся. Не понимал, как так вообще могло случиться, что при нападении на солдат первый же из них не смог поднять тревогу и предупредить остальных. Все трое погибших были на хорошем счету и у командира взвода, и у командира роты, все имели отличную боевую и физическую подготовку, а в действительности, если посмотреть со стороны и невооруженным глазом, оказались простыми овцами, на которых напал хищник. Если предположить, что нападение было произведено одновременно на всех троих, это выглядит вообще маловероятным. Собаки, способные справиться за секунды с человеком, к тому же человеком, хорошо

подготовленным к любым силовым действиям, не за каждым камнем сидят даже в этих горах, где распространены такие породы, как кавказская овчарка и алабай, способные выполнять роль убийцы.

Вообще, представляя ситуацию, капитан никак не мог выстроить цепочку событий в нужной последовательности. Конечно, только очевидец, которого найти, как представлялось, невозможно, даже если он и есть, может эту цепочку выстроить правильно, тем не менее воображение должно было подсказать, что там, на месте, произошло. Именно для этого Шереметев на рассвете, уже после отлета вертолета с «грузом 200», на коленях проползал все место засады, отыскивая следы. Но мелкие и крупные камни следов не оставляли. Будь там земля или трава погуще, а не жалкие пучки, пробивавшиеся среди камней, следы остались бы обязательно, и Григорий Владимирович обязательно нашел бы хоть что-нибудь. Он умел находить и исследовать такие места, читать происходящее по следам. Здесь же читать было, по сути дела, нечего. Читать можно книгу, а не чистый лист бумаги, а Шереметев оказался перед чистым листом. Несколько царапин на камнях вполне могли быть оставлены солдатскими ногами – мелкие камушки легко застревают в ребристой подошве и царапают другие камни – но ни о чем эти царапины не говорят, их могли оставить и когтистые собачьи лапы. Но как разобраться, если других следов, подтверждающих хоть какую-то версию, нет в наличии?

Вопрос о красных волках сидел в голове, и капитан внимательно осмотрел с биноклем всю округу. Но красные волки пропали, должно быть, испугались большого скопления людей. Волки принципиально не любят близкого соседства с человеком. Если профессор Идрисов научился с ними общаться, то с посторонними волки так же общаться не будут. Впрочем, особой внимательности при осмотре капитану и не нужно было, потому что тепловизор легко обнаружил бы и показал ярким свечением любой биологически активный объект. Волки убежали всей стаей.

Тогда капитан осмотрел все подступы к тропе. Почва везде была примерно одинаковая, и только далеко внизу, на поляне, где бинокль впервые показал профессора Идрисова, встречались куски открытой земли с пожухлой травой. Там следы были. Мелкие следы. По внешнему виду – собачьи. Но трудно предположить, что животное, обладающее такими мелкими следами, способно мгновенно уничтожить сильного и здорового человека, мужчину.

На этой поляне Григорий Владимирович потерял почти час, разбираясь со следами, но, не будучи охотником, не мог дать характеристику увиденному, хотя читал где-то и когда-то, чем волчий след отличается от собачьего. У собаки между пальцами лап растут волосы, а у волка не растут. В сырой земле разницу следов легко заметить. Там, на поляне, земля сухая, и следы пропечатывались слабо. И все же Шереметеву показалось, что он видит отпечаток лапы, с волоса-

ми между пальцами. То есть не волчьи следы, а собачьи. Но этот факт ни о чем еще не говорил. Во-первых, из-за качества самих следов, во-вторых, из-за слабого знания разницы между собачьим и волчьим следом. Но разницу эту узнать можно у специалистов.

Вернувшись на перевал, капитан вдруг обнаружил такие же следы, как на нижней поляне, как раз напротив того места, где сидели в засаде командир роты и начальник штаба батальона. Но на них никто не нападал. Звери прошли у них за спиной, неслышимые и незамеченные, и не напали. Наверное, и этот факт о чем-то говорил, но о чем именно, понять невозможно. А говорить о своих домыслах – это будет только попыткой оправдания перед командованием, неумелой и неуверенной попыткой. Ненужной!

Реакция командира отдельного отряда подполковника Веремеева на произошедшее, по большому счету, оказалась даже на руку капитану Шереметеву, как понял он сам. Отстранение от командования ротой автоматически освобождало от исполнения многочисленных повседневных функций и предоставляло время для поиска, который только и способен установить, что же произошло на перевале. Солдат такое расследование к жизни, конечно же, не вернет, зато может сберечь многие другие жизни. Уже ради одного этого стоит постараться.

После ухода подполковника Веремеева и майора Ковален-

ко Шереметев, наконец, позвонил Идрисову. Но домашний номер профессора отвечал лишь продолжительными гудками, и никто не брал трубку. Более того, впечатление складывалось такое, что даже гудки эти были пыльными, то есть в квартире профессора давно никто не был. Возможно, это представление сложилось в голове капитана потому, что он вспомнил, как передвигалась группа Идрисова по перевалу и как он сам обещал Исмаилу Эльбрусовичу, что путь до дороги займет у того двое суток. Значит, оставалось еще сутки ждать, когда профессор заявится в Махачкалу. Впрочем, это все легко проверялось.

Шереметев позвонил Идрисову на «мобильник», и на этот звонок тоже не сразу ответили, но все же ответили.

– Слушаю вас. Кто это? – спросил недовольный голос профессора. Голос явно запыхавшийся, словно профессор только что остановился после бега.

– Я не помешал вам, Исмаил Эльбрусович? – спросил Шереметев.

– Кто это? – так же недовольно повторил Идрисов.

– Капитан Шереметев. Мы вас недавно через перевал пропускали.

– Да, помню. Извините, я запыхался. Мы крутую гору только что преодолели, отдохнуть еще не успели. Что вы хотели? – Голос профессора звучал уже совсем не так, как на перевале, когда он стоял под стволами спецназовцев. Хотя там он тоже не показал растерянности и страха, здесь же во-

обще не постеснялся выразить свое недовольство, видимо, считая, что оказывает большую честь капитану, разговаривая с ним.

– Хотел с вами встретиться и побеседовать, – бесстрастно ответил Шереметев.

– На какую тему? – Идрисов не спешил пригласить капитана на встречу.

– Я думаю, у нас с вами пока только одна общая тема для разговора – по поводу красных волков. Если будут другие вопросы, чего я не исключаю, я предупрежу вас.

Шереметев сделал небольшой намек, желая проверить реакцию Идрисова на сказанное, но тот, как каждый классический профессор, страдающий рассеянностью, пропустил мимо ушей то, что желал пропустить.

– Так-так... – Исмаил Эльбрусович что-то просчитывал в уме. – Скорее всего, завтра к обеду доберемся до дороги. Мы идем быстрее, чем вы предполагали. Конечно, не по армейскому графику, но быстро. И могли бы идти гораздо быстрее, если бы нога моего рабочего позволяла. Он, кстати, благодарен вам за предоставленный пармедол. Может быть, именно благодаря этому мы сократили отставание от графика.

– Не за что благодарить, не я же его изготавливал. Выразите благодарность медицинскому управлению Генштаба. Там составляли список препаратов для армейских аптек.

– И все же... А что вы хотели спросить про нашу стаю? Или вы вообще интересуетесь красными волками как ви-

дом?

– Нет, просто у меня в роте есть солдат из семьи потомственных охотников, – на ходу придумал капитан, чтобы не выдать конкретную причину своего интереса. – Сибиряк. В Сибири хорошие охотники. Он смотрел следы на нижней поляне и говорит, что это следы собак, но никак не волков.

– Да, у красного волка следы меньше, чем у серого, – хмыкнул в трубку профессор, – а ваш охотник встречался, видимо, только с серыми.

– Нет, не в том дело. Встречался он, конечно, только с серыми, но говорит, что у собак между пальцами растут волосы, а у волков не растут. Так следы и различаются.

Профессор некоторое время молчал, потом неожиданно спросил:

– Чем вызван такой интерес? Это простое человеческое любопытство или есть какие-то другие причины?

– Есть другие причины.

– Тогда отвечу. Любопытных я обычно просто к Интернету отсылаю, там достаточно информации. По конкретным причинам могу дать конкретный ответ. Но ваши причины, как я понимаю, негласные, и потому я лишних вопросов не задаю. Итак... По большому счету, ваш солдат полностью прав. Честно говоря, я не задумывался над этим, вообще следами мало интересовался с тех пор, как мы поселили стаю в наших горах. Но давайте исходить из того, что официально красный волк называется еще и индийской дикой соба-

кой, и это более верное определение. Если помните «Маугли», там подробно описана стая диких собак. Так вот, описан именно красный волк, и даже страх, который он наводит на все живое. Противостоять ему, если стая большая, способен только слон. Все остальное живое спасается бегством. Но если вернуться к вашему вопросу, я должен сказать, что у красного волка есть некоторые характерные особенности строения организма, присущие собакам. Однако у собаки с волком одинаковое количество хромосом в крови, поэтому эти близкие виды способны смешиваться и производить здоровое потомство, которое само бывает способно к воспроизводству. А это говорит об устойчивости родственных связей. Осел и лошадь, например, могут произвести на свет мула и лошака, но ни мул, ни лошак не способны к репродукции устойчивого породного типа. А волк и собака способны. Волк и лиса не могут, волк и шакал тоже. Только волк и собака. Тем не менее различия между ними все же есть. И в первую очередь я бы выделил психологические моменты поведения. Чрезвычайно развитый инстинкт самосохранения у волков и бесстрашие, даже способность к самопожертвованию у собак. Честно говоря, вы задели интересную тему. Для меня лично интересную, потому что я занимаюсь психологией животных. Но в таком ключе волкособаку никто и никогда еще не рассматривал. Как разрешается эта психологическая несовместимость? Очень интересный вопрос. Впрочем, не буду отвлекаться. Вам мои интересы чужды. У

вас свои... Значит... Красный волк, хотя и является, по сути, дикой собакой, как правило, не может скрещиваться с серым волком. Это два вида соперников в борьбе за выживание. Антагонисты. Причем серый волк откровенно побеждает за счет своей силы. Прямого столкновения не происходит. Осторожность не позволит серому волку нападать на красного, тот же инстинкт самосохранения не позволит ему это сделать, поскольку красный волк – страшный хищник даже для серого волка, медведя и тигра. Серый же просто опустошает ареал проживания красного, и тот вынужден или уходить в другие места, или просто погибнуть с голоду. Но я увожу вас в дебри своих рассуждений. Это, конечно, не телефонный разговор. Телефонный... Кстати, кто вам дал номер моего мобильного телефона?

Теперь уже Шереметев хмыкнул в трубку:

– Я же вам сказал, что являюсь офицером спецназа военной разведки. Разведка не все может узнать, но многое. А что не знает, может спросить. Вот я и спрашиваю. Вопрос простой – когда вы в Махачкалу вернетесь? И когда мы с вами можем встретиться?

– Вернусь я, скорее всего, ближайшей ночью. На машине мы к середине ночи доберемся. Если хотите встретиться, в девять утра буду ждать вас у себя.

– В университете?

– Почему в университете? Дома. В университете мне пока делать нечего. Лекции начнутся только через две недели.

Мне еще нужно отдохнуть после полевого сезона и завершить кучу дел. Осенний сезон все-таки очень тяжелый, это не летний. А послезавтра днем я улетаю в Женеву в штаб-квартиру ЮНЕСКО. Там ждут подробного отчета о жизни моей стаи красных волков. Там мой эксперимент ценят гораздо больше, нежели в родной стране и даже в родном университете.

– Значит, в девять утра...

– Да, буду вас ждать.

– Позже нельзя? Мне добираться до Махачкалы три часа. Военным машинам не рекомендуют ездить по дорогам республики по ночам. Да и машину мне никто не выделит. Придется на такси добираться. А найду ли такси в такое время, не знаю.

– В другое время я буду занят. Если приедете в девять, смогу выделить вам около сорока минут. – Исмаил Эльбрусович был категоричен. – Если не приедете, можем встретиться после моего возвращения из Женевы. Там я пробуду около недели.

– Хорошо. Адрес...

– Вы же разведка! Неужели адрес не узнали?

– Не было пока необходимости. Но если вы забыли, я могу узнать.

– У меня хорошая память на собственный адрес. Записывайте...

– Говорите, я запомню. У меня хорошая память и на чу-

жие адреса...

Один вопрос был разрешен, и разрешен для капитана Шереметева благополучно, если можно считать благополучными сведения, что красные волки являются на самом деле просто дикими собаками. Но отсюда уже можно делать вывод. Да, солдаты могли стать жертвой нападения стаи красных волков. Серые волки, как всем известно, на людей нападают. Не всегда, но случаи таких нападений нередки, особенно в последнее время. Однако серые волки гораздо крупнее красных и намного сильнее. Могли ли красные волки напасть и убить солдат, причем напасть совершенно бесшумно и убить бесшумно? По телефону выяснять такой вопрос не стоило. Если профессор Идрисов имеет какое-то отношение ко всему этому, он только спугнет его и сделает трижды более осторожным. При этом профессор предупредил, что все живое от большой стаи красных волков спасается бегством. Значит, и людям надо было спастись бегством, или нет?

Капитан Шереметев неожиданно вспомнил подсказку, данную ему Исмаилом Эльбрусовичем, и решил воспользоваться Интернетом. В канцелярии стоял старенький компьютер, который можно было использовать только в качестве печатной машинки, при условии, что имелся бы рабочий принтер. Но принтер в роте давно сломался. А уж о подключении такого старого компьютера к Интернету и говорить нечего. Поэтому Григорий Владимирович позвонил начальнику штаба батальона майору Коваленко, у которого имелся ком-

пьютер с подключением к Интернету.

– Профессору дозвонился? – спросил Коваленко.

– Только что беседовали. Он еще в пути. Его никто вертолетом с маршрута не снял. Договорились о встрече послезавтра в девять утра у профессора дома. Мне адрес нужен.

– Найдем адрес.

– А сейчас компьютер нужен. С выходом в Сеть. Профессор подсказал. Говорит, о красных волках информации много.

– Приходи. Я свой кабинет хоть до утра предоставлю. Сам сейчас отсыпаться поеду...

Майор Коваленко внимательно выслушал доклад капитана о разговоре с профессором Идрисовым, даже заинтересовался.

– Я сейчас подполковнику доложу, чтобы в курсе дела был. Как сам считаешь, можно уже подключать к вопросу Следственный комитет или еще рано?

– Они только помешают, – категорично ответил Шереметев. – Необходимо сначала самим разобраться, чтобы иметь возможность что-то конкретное предположить, и только потом уже со следаками дело иметь.

– Я тоже так думаю. Главное, чтобы ты сумел разобраться. С другой стороны, нападение красных волков на засаду автоматически снимет с тебя обвинение в халатности. Если только ты не будешь предварительно на каждой площади в

мегафон сообщать, что мы с тобой этих волков рассматривали в бинокль. Хотя бы рота под присмотром останется. Рота без командира – как баба без мужика, шалавиться начнет...

– В роте меня пока старший лейтенант Медведь может полноценно заменить. Он справится. А мне время свободное нужно, чтобы с делом разобраться. От роты трудно вырваться даже в Махачкалу. В повседневности, товарищ майор, даже подумать без суеты времени не будет.

– Уговорил. Насчет Медведя, кстати, пришли в бригаду бумаги, его у тебя со взвода забирают, пора уже старлею роту получать. Капитанское звание тоже обещают не задержать. В соседнем батальоне твой Медведь будет. Если что, ты можешь. Можешь ему сообщить. Ладно, я к командиру пошел. Твои аргументы выскажу, а решать будет, понятно, он. Потом загляну к тебе, сообщу приказ. Пока Интернет загружается, посмотри вот это... – Майор открыл сейф, вытащил из тонкой папочки два листа бланков с синей «шапкой» входящей кодограммы и положил на стол: – Не потеряй только. Без подписи выдаю. На мне числится...

– Это что? – переспросил капитан.

– Ответ из ФСБ Дагестана по моему запросу на спутников профессора.

– Понял, – сказал капитан, усаживаясь за майорский стол, и, когда тот вышел, включил компьютер.

Пока он загружался, пока мигали огоньки на модеме, сообщая, что идет подключение к сети Интернет, Григорий

Владимирович пододвинул к себе два отдельных листа кодаграмм и стал читать. Прочитал один раз, потом второй и пожал плечами. Компьютер тем временем загрузился, но Шереметев снова перечитывал данные, не обращая на него внимания.

Данных было немного, по трети страницы компьютерного теста, набранного двенадцатым кеглем. Впечатление складывалось такое, что они печатались с одного заранее подготовленного бланка и менялись лишь имена и фамилии. Но не эта похожесть смущала капитана, а сама суть текста. Вернее, только несколько строчек, сообщавшие, что оба рабочих экспедиции в свое время входили в банду, которая называла себя «Красные волки», потом под амнистию сложили оружие вместе с половиной банды и вернулись к мирной жизни. Поскольку преступлений за ними не числилось, за решеткой оба отсидели только короткое время разбирательства.

То, что рабочие профессора считались бывшими бандитами, капитана Шереметева ничуть не смущало. Таких в республике наберется множество. Безработица и прочие неурядицы многих толкали в леса и горы, но значительная часть из них быстро возвращалась. Интерес возник лишь к названию банды. «Красные волки» там. Красные волки здесь. И экспедиция работает в районе, где обитают красные волки, и в этом же районе орудовала уничтоженная почти полностью банда эмира Борзова. Снова возник вопрос – три человека, которые смогли уйти от смерти там, в горах, это, случайно,

не профессор со своими рабочими?

Жаль, что базу банды осматривали и изучали бойцы спецназа внутренних войск и следователи военной прокуратуры, а не спецназ ГРУ. Если уж профессор нашел общий язык с такими хищниками, как красные волки, то наверняка их чем-то особым подкармливал. Эту картину Шереметев в бинокль наблюдал – человек чем-то кормил волков. Значит, какие-то следы не обычной человеческой пищи, а чего-то особого должны были на базе бандитов остаться. К сожалению, после осмотра забетонированную базу быстро взорвали, после взрыва нет никакого смысла производить повторный осмотр.

Есть, правда, еще надежда поговорить с «краповым» майором, командовавшим операцией. Он, наверное, и базу осматривал. Может, что заметил и после наводящих вопросов вспомнит? Можно и со следователем поговорить, попросить протокол осмотра. Есть такие дотошные следователи, что все описывают, вплоть до того, как и где стоит стакан, что в стакане налито и сколько капель на стол пролилось. Шереметев встречал таких, когда при нем производили осмотр места происшествия. Тогда удалось освободить двух заложников и уничтожить шестерых бандитов. Один заложник, правда, при этом пострадал, но он сам был виноват. Когда отряд спецназа ГРУ ворвался на базу, схватил автомат убитого бандита, чтобы спецназовцам помочь, и его тоже за бандита приняли, солдат дал очередь заложнику по ногам, и потребо-

валось сложное хирургическое вмешательство, чтобы оставить человеку возможность на своих конечностях передвигаться. В тот раз даже следователь Следственного комитета не пожелал возбуждать дело против солдата, хотя сам заложник надеялся получить со спецназа ГРУ большую компенсацию за причинение здоровью ущерба значительной степени. Подобная неблагодарность освобожденного мента вызвала даже в следователе возмущение. Капитан Шереметев тогда много с ним беседовал, в том числе и во время осмотра захваченной бандитской базы, и обратил внимание, насколько скрупулезно проводится осмотр и как дотошно все осматривается. Да, наверное, к «краповому» майору и обращаться не придется. Надо сразу к следователю ехать. Во время визита в Махачкалу. Сначала посетить профессора Идрисова, потом и следователя окружной военной прокуратуры. У следователя, наверное, тоже есть вопросы к капитану Шереметеву...

Интернет в кабинете майора Коваленко работал пусть и не так быстро, как у капитана в московской квартире, но все же с достаточной скоростью. Выделенная линия всегда лучше, чем USB-модемы, часто встречающиеся в местности, где таких линий нет, и какими пользуются связисты, кодировщики или шифровальщики отдельного отряда спецназа ГРУ во время проведения боевых операций. Правда, армейские USB-модемы, в отличие от бытовых, тоже имеют скорость относительно приличную, но неудобны тем, что имеют большие размеры и требуют дополнительного аккумуляторного питания.

Привыкнуть к чужому компьютеру – дело не хитрое, и Григорий Владимирович уже через пять минут ориентировался вполне сносно. Раздражала мышь, которая работала плохо, но скоро рука и к ней привыкла, тем более что много работать мышью и не приходилось. Только наводить курсор на нужную строку «поиска» и дважды щелкать левой кнопкой, а потом только читать.

Профессор Идрисов сказал правду. Материала о красных волках было много. Хотя он был весьма противоречивым. На одном сайте писалось, что не зарегистрировано ни одного достоверного случая нападения красных волков на людей. Другой сайт сообщал, что красные волки людей совершенно

не бояться, даже наоборот, люди всегда стремятся избежать встречи с ними. Так, например, на том же Алтае, откуда Исмаил Эльбрусович и привез свою стаю, охотники рассказывали о многочисленных случаях нападения на людей, но доказательств представить не могли. Следующий сайт рассказывал случай, как в Индии большая стая красных волков напала на автомобиль с туристами, и те были вынуждены удирать прямо по телам зверей, занесенных в Красную книгу. Интерес вызвали сайты, рассказывающие о повадках этого редкого зверя. Красные волки, оказывается, не боятся никого и ничего, нападают и на медведя, и на тигра, если он обитает на одной с ними территории. Тигр при встрече с красными волками стремится убежать, хотя обычно ему это не удается, потому что волки гораздо быстрее. Медведь ищет спасения на высоких деревьях и может сидеть там по несколько суток, пока собаки не устанут караулить его и не уйдут. Случается, что медведь сам устает, падает и становится добычей красных волков. Стайный способ охоты позволяет безжалостным хищникам не обращать внимания на собственные раны и увечья и разрывать самого крупного зверя на части прямо во время преследования. В скорости бега красные волки значительно уступают волку серому, но отличаются чрезвычайной выносливостью и упорством. Изначально, догоняя жертву, они рвут ему сухожилия на ногах, а потом уже рвут горло, заставляя жертву захлебнуться собственной кровью. Это для них привычный способ охоты. Последнее

сообщение особенно заинтересовало Шереметева. У погибших солдат было разорвано именно горло. Однако не было никаких следов нападения стаи. То есть никто не рвал солдат на куски, никто не терзал их тела до того, как звери добрались до горла. Таким образом, точного подтверждения своему предположению капитан не нашел. Это слегка обескураживало. Кроме того, все сайты говорили об одном – красные волки не поддаются дрессировке. Значит, послать их в атаку целенаправленно на засаду было невозможно. Или очень трудно.

Сохранив все заинтересовавшие его материалы в отдельной, специально для этого созданной папке, Григорий Владимирович уже намеревался было выключить компьютер, когда в голову пришла интересная, как ему самому показалось, мысль. Красные волки не поддаются дрессировке. Да. Пусть так! Но кто сказал, что дрессировка и гипноз – это одно и то же? Снова набрав по поисковой системе свой вопрос, Шереметев стал просматривать сайты о гипнозе животных. Он уже читал однажды статью об этом виде гипноза, и тоже в Интернете. Но тогда читал невнимательно, не имея особого интереса к теме, которая сейчас оказалась столь злободневной.

Познакомившись с несколькими материалами, в принципе повторяющими одно и то же, и даже прочитав несколько советов, как таким видом гипноза овладеть, он наткнулся на разговор о том, что животный мир вообще, и особенно

собаки, от природы является врожденным телепатом. Именно телепатией объяснялись дружные действия серых волков во время охоты. Волки не издают в это время никаких звуков, но тем не менее друг с другом общаются, знают даже, кто где в какой момент находится и куда кому следует бежать, чтобы перекрыть жертве пути отступления. Большинство ученых-биологов считают, что у волка существует какой-то неизвестный науке орган – то ли локатор, то ли еще что-то подобное. Но некоторые без сомнения утверждают о наличии у волков мощных телепатических способностей. А у собаки, как показали исследования, телепатический дар намного выше, чем у волка. Именно благодаря этому собака чувствует, когда посторонний человек представляет опасность для хозяина, и принимает ответные агрессивные меры. Чтобы поверить этому, Григорию Владимировичу не следовало далеко ходить за примером. Когда у его собаки болели уши, она очень не любила лечение, поэтому, перед тем как начать чистить уши, слов о лечении не говорилось, просто Шереметев переглядывался с женой, она понимала, но тут же все, даже находясь в другой комнате, понимала и собака и забиралась с головой под кровать, вытаскивать ее приходилось за задние лапы.

Собаки, несомненно, обладают телепатическим даром. Как и волки, хотя, говоря о волках-телепатах, приходилось опираться только на мнение отдельных ученых, которых официальная наука не всегда поддерживает. Но красные

волки – это дикие собаки, и у них собачьи инстинкты развиты не меньше, чем волчьи. Предположение капитана Шереметева походило на фантастику, тем не менее могло быть и правдой. Только как это проверить, капитан не знал.

Подумав несколько секунд, Григорий Владимирович вдруг принял новое решение и снова набрал в строке поиска вопрос. Теперь уже, впрочем, без особой надежды на успех, напрямую поинтересовался методикой гипноза животных профессора И.Э. Идрисова. Но поисковая система, к удивлению, выдала ему два таких материала, правда, оба на английском языке. Та же поисковая система предлагала один из материалов перевести, что Шереметев сразу же и сделал. И прочитал, правда, не совсем понимая многостраничный текст монографии Исмаила Эльбрусовича о его опытах по телепатическому общению с больными животными и их лечению методом активации резервов организма животного. Судя по монографии, профессор Идрисов достиг весьма значительных результатов, если сумел не просто передавать животному свои мысли, но и перестраивать его организм.

За окном начинало темнеть, и сумерки заползали через оконное стекло в кабинет, где горела только слабая настольная лампа. Вернувшийся в свой кабинет майор Коваленко, бесшумно открыв дверь, застал капитана сидящим в задумчивости перед выключенным компьютером. Майору показалось, что Шереметев дремлет, и неудивительно, поскольку прошедшую ночь и весь день они провели на ногах или, по

крайней мере, без сна.

– Не нашел ничего интересного? – спросил он.

– Нашел много интересного, товарищ майор, – ответил капитан, вставая и уступая место хозяину кабинета. – Можете завтра посмотреть, если время будет. Много противоречий. Однако если профессор Идрисов не врет в своей монографии, он вполне мог мыслью натравить волков на наших солдат. Только доказать это мы не сможем. Ни один эксперт нам не поверит. Думаю даже, что в ученом мире эксперименты профессора Идрисова официально приравняются к шарлатанству. Насколько я знаю, все такие работы большими учеными умами считаются шарлатанством. В разных областях науки. Особенно если сам ученый еще достаточно молод. Такого затравить легче. Наверное, и Идрисова травят. Отсюда и мнение о нем вашего знакомого преподавателя из университета. Научный мир – это всегда недоверие коллег по профилю и подъедание друг друга. Так мне один мой знакомый московский профессор говорил. Тоже молодой, кстати. И его тоже травят, хотя он совсем в другой области работает и не может быть экспертом в деле профессора Идрисова.

– Да, – согласился майор. – Я слышал где-то, что в Академии наук создана целая комиссия по антинаучной деятельности. И возглавляет комиссию ученый, который всю свою жизнь не наукой занимался, а был секретарем парткома Академии. Как советская власть кончилась, ему новую должность придумали, потому что для научной работы он был

непригоден. Вот и занимается травлей. Но нам сейчас не до них. Боюсь, как бы на тебя травля не началась. У подполковника Веремеева запросили одновременно и из Москвы, и из бригады все данные по гибели солдат. И Москва из бригады запросила на тебя характеристику. Командир бригады затребовал характеристику с командира батальона, комбат мне позвонил, поскольку мы вместе в командировке находимся, и затребовал характеристику от меня. А я засыпаю на ходу. Ты, вижу, еще не спишь, и компьютер перед тобой. Напиши-ка на себя характеристику, я утром комбату отошлю.

Это была обычная армейская практика, и писать на себя характеристики капитан умел. Приходилось уже несколько раз.

– Положительную или отрицательную? – только и спросил он.

– Я думаю, обойдемся положительной. Надо же друг друга поддерживать. Можешь от моего имени подписать то, очевидцем чего я вчера был. Сохрани в компьютере прямо на «рабочем столе», если не трудно. И про свои воспитательные методы напиши. Как ты солдат «гоняешь».

– А это зачем? – не понял Шереметев.

– Запрос на тебя в Москву пришел из Вологды. Вернее, не запрос, а что-то типа жалобы. Воспитательные методы твои осуждают.

– Какое я имею отношение к Вологде?

– Был у тебя такой солдат, Валерий Валерьевич Самохва-

лов? – немного поколебавшись, спросил майор.

– Младший сержант.

– Не важно. Срочник или контрактник?

– Контрактник. Уволился в начале лета.

– Вот-вот. Уволился, прибыл в родную Вологду. Его вызвали в управление МВД города и предложили службу в полицейском спецназе. А он возмутился, кто, говорит, дал вам право оскорблять меня. Заявил, что он порядочный человек, а порядочный человек служить в полицию не пойдет. И если его приглашают, значит, подозревают в непорядочности. Слово за слово, и до драки дело дошло. Изуродовал нескольких ментов. Дело на него завели. На солдата комбат сам характеристику написал. Такую, что парня можно хоть сейчас к Герою представлять. А Москва на тебя по этому поводу характеристику спрашивает. Менты интересуются, не твое ли это воспитание. Так что и о своих методах воспитания порядочных людей напиши. Не забудь.

– Я на рабочем столе папку открыл о красных волках. Там и характеристику сохраню.

– Договорились. А к профессору послезавтра едешь?

– Так точно. К девяти утра.

– Что так рано?

– Он вернется в Махачкалу только в середине ночи, немного отоспится, а днем в Женеву улетает. В комиссии ЮНЕСКО, говорит, ждут его доклад. Через две недели у него начинаются лекции в университете. Другого времени в Же-

неву смотаться не будет. Выделяет мне для беседы сорок минут. Но я и за то благодарен.

– Пусть так. Подполковник Веремеев даст тебе по моей просьбе свой «уазик». Выезжать нужно в половине шестого, в темноте. Светает сейчас уже в начале восьмого. Доволен?

– Это хорошо. А то я собирался такси заказывать.

– Со своим водителем надежнее по нынешним временам, второй ствол лишним не бывает. Занимайся, короче, характеристикой. В столе чайник, чашка и сахар. Можешь чай вскипятить.

Капитан кивнул и включил компьютер, а потом и в стол за чайником полез. Чай, особенно зеленый, всегда мозги прочищает и помогает лучше думать.

Майор тоже кивнул на прощание и вышел из кабинета, оставив ключ в двери. Ключ, как понимал Шереметев, следует оставить дежурному...

Ночь капитан Шереметев провел на кровати в своей канцелярии. Естественно, даже когда он временно передаст дела старшему лейтенанту Медведю, как и договаривались с майором Коваленко, из канцелярии его никто не выгонит, и спальное место капитан оставит за собой.

Проведя без сна и в нервном напряжении почти двое суток, Григорий Владимирович очень устал, хотя со стороны никто не сказал бы этого. Просто Шереметев всегда умел хорошо прятать свое внутреннее состояние. Но организм тре-

бывал отдыха, и, освободившись от ответственности дел по роте, капитан позволил себе расслабиться и проспал до девяти часов утра, что было для него не просто рекордом. Не привык капитан к такому долгому сну – семь часов спал. А в спецназе ГРУ нормой принято считать сон в течение четырех часов. Офицеры давно в такой график втянулись, а вот солдатам сначала бывает сложно, но они привыкают быстро. Привыкнуть, говорят, можно ко всему. А уж кто никак не может привыкнуть, того отправляют служить куда-то в более мирные части. Чаще всего в спецназ ВДВ. Там для тех, кто поспать любит, настоящий рай.

Спать меньше не разрешают врачи. Спать больше не разрешает командование. А как иначе за год подготовить солдата? Нет времени на подготовку.

Проспав до девяти утра, капитан Шереметев быстро, не выходя из канцелярии, сделал интенсивную зарядку, потом умылся и побрился в солдатском умывальнике, глянул в расписание занятий, вывешенное рядом с тумбочкой дневального, и пошел в спортивный городок, где должен был находиться с четырьмя взводами роты старший лейтенант Медведь. С осенним призывом рота пополнилась двадцатью новыми бойцами. Вообще-то, как обычно делается, молодых солдат можно было бы и не брать в эту кавказскую командировку, но Шереметев беречь кого-то от трудностей не собирался, да и готовить солдат в командировке лучше, чем на базе бригады, здесь у них совсем другой настрой. Естествен-

но, сразу в бой их никто не возьмет, но они постоянно находятся в боевой готовности, а это тоже воспитательная мера.

Занятия в военном городке проводились повзводно. Тема занятий – «рукопашка». Солдаты ее любят, ведь каждый молодой мужчина мечтает научиться хорошо драться. Не для агрессии, просто можно попасть в трудную ситуацию, и многие попадают, вот тогда уроки спецназа ГРУ даром не проходят.

Старший лейтенант Медведь занимался отдельно со своим взводом. Наверное, если бы он уже принял дела по роте, все равно занимался бы с этим же взводом, поскольку командиру взвода старший сержант, его заместитель, стать полноценной заменой не мог. Разница в уровне подготовки контрактника и офицера все же значительная, даже если учесть, что контрактники обычно бывают спортсменами-разрядниками. Во взводе Медведя были среди опытных солдат и мастер спорта по боксу, и кандидат в мастера по боксу, и мастер спорта по дзюдо. Но они – не «рукопашники», хотя уже прошли начальную школу и многое умели.

Подойдя ближе, капитан Шереметев остановился, чтобы понаблюдать за занятиями. Человеку несведущему они могли бы показаться очень даже странными и жестокими. И уж, не приведи Господь, кто-то из матерей увидел бы, как воспитывают мужчину из ее сына. Мог бы и скандал возникнуть. Ближе к капитану занималась под присмотром старшего лейтенанта троица. Два старослужащих солдата в перчат-

ках, как раз те, про которых Григорий Владимирович вспоминал только что, – один мастер спорта по боксу, второй кандидат в мастера спорта, – методично избивали молодого солдата, тоже надевшего перчатки. Старший лейтенант Медведь покрикивал, заставляя солдата отвечать ударами на удары.

Когда Шереметев подошел ближе, схватка закончилась. Избиваемый солдат поправлял на голове боксерский шлем, который больше мешал ему, чем помогал. Но начинать такие занятия всегда лучше в шлеме. Только через неделю или через две его можно будет снять, но тогда занятия станут другими, более жесткими.

– Сильно получил? – спросил капитан солдата.

– Основательно... – зло ответил тот, с трудом выговаривая слова. Дыхания ему не хватало, видимо, много ударов пропустил в корпус.

Григорий Владимирович сделал знак и другим группам подойти ближе. Солдаты встали полукругом. Лица у битых хмурые, в глазах чуть ли не вызов. Впрочем, синяков и кровоподтеков на лицах нет, шлемы все же спасают.

– Не нравится? – дружелюбно усмехнулся капитан.

– А кому такое может понравиться? Это же не занятия, это настоящее избиение, – ответил один из солдат.

– И вы считаете, что это никому не нужно?

Солдаты молчали.

– Говорите, говорите, не стесняйтесь. Я это уже много раз слышал и не удивлюсь. Говорите, а потом я кое-что объясню.

– Конечно. Нужно сначала научить нас нормально драться, а потом уже выпускать на схватку. А так толку мало... – нашел в себе смелость высказаться первый солдат.

– Есть, значит, такое мнение... Его, естественно, и не может не быть, но оно крайне неправильное. И я попробую вас убедить в обратном. Потому попрошу вас слушать меня крайне внимательно и вникать в суть сказанного. Повторять не буду, но сейчас объясню необходимость такой, на первый взгляд, жестокой тренировки, хотя она в действительности не жестокая, а только жесткая. Итак... Среди вас обязательно есть спортсмены. Все, мне кажется, спортсмены, если судить по анкетам. И вы знаете, что такое соревнования. Любые, хоть лыжня, хоть стадион, хоть борцовский ковер. Обязательно есть волнение перед стартом, и оно мешает, как часто случается, показать все, на что вы способны. Даже термин такой существует – «перегореть» перед стартом. Так?

– Так.

– Но это только спорт. Это не борьба за жизнь, как бывает в реальном бою, когда нет зрителей, а есть только ты и твой враг. И жить после схватки останется только один. Так вот, у спортсмена перед стартом пульс обычно бывает в районе ста сорока ударов в минуту. Может, чуть больше, может, чуть меньше. Но в среднем это сто сорок ударов в минуту. А в момент смертельной схватки у любого человека, не прошедшего специальной подготовки, ритм ударов сердца подскакивает, случается, до двухсот ударов в минуту. А

что это значит? Я объясню, чтобы вы поняли лучше. Когда ритм ударов сердца только приближается к ста восьмидесяти ударам в минуту, мозг человека перестает обрабатывать информацию, и любой, самый подготовленный спортсмен-единоборец теряет свои навыки, то есть напрочь забывает все, чему его учили на протяжении многих, может быть, лет и не в состоянии пользоваться своими навыками. Надо, вообще-то, знать, что наиболее эффективно применять все, что вы получили на тренировках, можно при ритме сердца от ста пятнадцати до ста сорока пяти ударов в минуту. А это возможно только тогда, когда вы приобретете хладнокровие и сумеете преодолеть мощнейший стресс. Наверное, задним числом сейчас вы можете вспомнить, что пять минут назад, когда вас начали избивать, вы закрепились, сжались и были не в состоянии оказать сопротивление, ответить на удар ударом. Это организм выделил адреналин. Сразу попрошу запомнить и выбросить из головы то понятие адреналина, что вам втолковывают безграмотные люди и сотрудники рекламных агентств. Ах, выделение адреналина, это, дескать, здорово, это интересно, это щекотание нервов. Такие утверждения – сплошная глупость. Глупость и элементарная безграмотность. Адреналин – это гормон страха. И он, проникая в мышцы, сковывает их, мешает телу работать и думать, мешает жить и выжить, не позволяет вам сопротивляться и стать настоящими мужчинами. Под воздействием адреналина кровь оттекает от верхних слоев мышц и устремляется во

внутренние пласты. Внешние мышцы становятся своеобразной броней, которая при поражении оружием выпускает минимальное количество крови. Это самозащита организма от поражения. Кому доводилось участвовать в уличных драках, знают такое состояние, когда трудно бывает даже удар нанести из-за скованности мышц. Все вроде бы есть у человека – и сила, и удар поставлен. А он в таком состоянии единственное, что может – это вцепиться пальцами в одежду противника, принимать на себя удары, и все. Слышали, наверное, много раз, как тренер или секундант рядом с рингом или борцовским ковром кричит своему подопечному: «Расслабься!» Это адреналиновый стресс не дает человеку быть самим собой и мешает мышцам работать. Преодолеть это можно и нужно с помощью психологического настроя. Что сейчас с вами случилось? Побили вас. Избили, можно сказать. Ну и что? Ничего страшного. А чего тогда бояться, если ничего страшного?

Нечего бояться, самое плохое уже произошло. Человеку свойственно больше бояться падения, а не приземления. Но если подумать, как приземляться, зная, что приземлиться сумеешь правильно, то и падение станет не страшным. Еще пример из спорта. Почему иногда слабая команда может победить сильную? Потому что сильная сковывается от боязни проиграть и опозориться, чувство ответственности выделяет адреналин. А слабой команде терять нечего. Она расслаблена и проиграть не боится. И вы не бойтесь. Я точно вам го-

ворю, что через неделю таких занятий вы будете со смехом вспоминать сегодняшний день. Адреналин перестанет выделяться вашей гормональной системой, и тогда вы сможете стать настоящими бойцами. Но не это главное. Главное, что в состоянии мощного стресса тем же адреналином блокируются лобовые части мозга, человек уже не в состоянии обрабатывать получаемую информацию, анализировать окружающую обстановку. Но мы знаем, как отучить вас от попадания в такое состояние. Все наши тренировки будут проходить в условиях повышенной жесткости. Если борец падает на ковер, то вы будете падать на землю и на асфальт, на лестницу в казарме, на голые ступеньки крыльца, на камни в горах при тренировке в условиях, приближенных к полевым. Больно будет, но нужно терпеть. Будут ушибы, травмы, но вы должны забыть про них и не обращать внимания ни на свою, ни на чужую кровь. Мы не будем обучать вас на тренировках, как противостоять учебному пластиковому ножу или деревянной лопатке. Вы будете противостоять сразу, без подготовки, боевому ножу и отточенной до остроты бритвы саперной лопатке. Только так, переборов свой страх, вы сможете в дальнейшем победить стресс. И еще прошу запомнить, что стрессовое состояние не позволяет быстро принимать правильное решение. Переборов стресс, вы сможете работать правильно. Но здесь другое дело, здесь присутствует новая составляющая – автоматизм отработанных движений

и приемов³. А вот этому мы вас научим, когда вы поборете свой стресс. Но вы знайте, что мы готовим бойца так, чтобы ему в процессе занятий было плохо. До ужаса плохо. Чтобы он готов был растерзать руководителя занятий, возненавидел его. Наша задача – увести вас, грубо говоря, из зоны комфорта, в котором некоторые из вас себя ощущают. Только так можно воспитать в вас чувство победителя. Будьте готовы. Мы сделаем из вас победителей. У меня в принципе все. Продолжайте занятия.

Григорий Владимирович сделал знак старшему лейтенанту Медведю и отвернулся от солдат, глаза которых смотрели уже совсем не так, как в начале речи командира роты. Когда командир взвода подошел к нему, спросил:

– Василий, ты уже знаешь, что временно принимаешь у меня роту?

– Знаю, Гриша.

– Не распускай их. Я не думаю, что меня долго будут держать в стороне от дел, но дадут все же провести расследование до конца. А как вернусь, тебя, я слышал, в другой батальон отправят. Собственную роту получишь. Так что стажируйся. Как закончишь занятия, приходи в канцелярию, будем дела передавать. Я позвоню Коваленко, чтобы он подошел. Оформим все документально. Веремеев, наверное, приказ уже подписал, и майор принесет его...

³ Частично в описании использованы составляющие системы рукопашного боя А.А. Кадочникова вкупе с элементами других систем.

День прошел в длительных и нудных хлопотах, требующих тщательности и дотошности. Одна только передача оружия и боеприпасов роты, которые «висели», естественно, на командире, заняла половину дня. И это даже при том, что в акт вносилось исключительно штатное оружие, а все то, что было сверх штата: трофейные ручные пулеметы, несколько автоматов разных систем, тоже трофейные, в том числе и американские автоматические карабины «М-4», захваченные совсем недавно, несколько самодельных взрывных устройств, изготовленных бандитскими руками и вовремя перехваченных спецназом, пистолеты разных систем, все это передавалось, с благословения начальника штаба батальона, только со словесным описанием и кратким перечислением, поскольку официальному учету не подлежало. Но даже временно исполняющий обязанности командира роты обязан знать, какое нештатное оружие есть у солдат, не только потому, что это оружие и оно иногда стреляет неизвестно в какой обстановке, но и потому, что оно должно быть использовано во время проведения боевых операций, для чего, собственно, негласно и разрешалось бойцам спецназа иметь его.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.